

A photograph of a field of blue lupines at sunset. The flowers are in sharp focus in the foreground, while the background is a soft, golden glow from the setting sun, creating a bokeh effect. The overall mood is serene and peaceful.

Ольга Медведева

**БОРИСОВО ПОЛЕ**

Рассказ, стихи

Ольга Медведева

**Борисово поле. Рассказ, стихи**

«Издательские решения»

## **Медведева О.**

Борисово поле. Рассказ, стихи / О. Медведева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902354-4

«В каждом городе, в каждом посёлке, в каждой деревне нашей необъятной родины, везде встречаются люди, горячо переживающие за своих родных, соседей, земляков, да и, конечно же, за свою малую родину. Ольга Борисовна — человек редкой доброты, её произведения наполнены любовью к своему краю, к лесам, к жемчужинам-озёрам, к природе, к людям. Как красиво льются стихи о временах года — от прочтения масса впечатлений и удовольствия». Виктор Серов, член Российского союза писателей

ISBN 978-5-44-902354-4

© Медведева О.  
© Издательские решения

## Содержание

Борисово поле	6
Борисово поле	8
Знаю, папа, с небес ты видишь	9
Не терзайте землицы душу!	10
«Не терзайте землицы душу!..»	11
«Над лесом зоренька встаёт...»	12
«В раздумьях дед Матвей сидел...»	14
«Грусть в этом доме поселилась...»	16
«Опустел, постарел наш дом...»	17
«Фотографии. Старый альбом...»	19
Старый дом	20
«Нет моей деревни, нет уже в помине...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Борисово поле Рассказ, стихи

**Ольга Медведева**

© Ольга Медведева, 2018

ISBN 978-5-4490-2354-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



*В каждом городе, в каждом посёлке, в каждой деревне нашей необъятной родины, везде встречаются люди, горячо переживающие за своих родных, соседей, земляков, да и конечно же, за свою малую родину. Ольга Борисовна человек редкой доброты, её произведения наполнены любовью к своему краю, к лесам, к жемчужинам-озёрам, к природе, к людям. Как красиво льются стихи о временах года – от прочтения масса впечатлений и удовольствия. Я очень рад, что знаком с Ольгой Борисовной. Общаясь с ней, я будто возвращаюсь к себе домой, туда, где горит очаг и меня ждут. Ведь здесь и моя малая Родина, здесь жила моя бабушка по материнской линии и живут родственники.*

*Стихи – отражение души того, кто их написал.*

*Желаю всем приятного прочтения!*

*Виктор Серов. Член Российского союза писателей.*

## Борисово поле

### *рассказ-воспоминание*

Я родилась в прошлом веке, уже канувшем в историю, в маленькой деревушке Вышитино. Мой отец, Комаров Борис Семёнович, родился на хуторе Мартьянцево, а мама, Давыдова Ольга Павловна, в деревне Ионово. Поженились они в 1951 году, жили дружно, с уважением относились друг к другу. Всю свою жизнь трудились на родной земле. Папа был бригадиром полеводческой бригады, в которой трудились жители близлежащих деревень Ионово, Хмелево, Зубцово и Вышитино.

В деревне Ионово стояла молочная ферма, было большое стадо коров. Пастухами работали Андреев Николай Михайлович и Козлов Николай. Рано вставали на дойку доярки, лишь только зорька занималась – приступали они к своей работе. Доили коров вручную, ведь тогда не было ещё доильных аппаратов. У каждой доярки была своя группа коров в 16 голов. С огоньком трудились, не зная усталости, Иринка Козлова, Нюра Белякова, Мария Виноградова, Завьялова Анастасия Артемьевна, Завьялова Вера Яковлевна, Завьялова Варвара Сергеевна, Андреева Ольга Дмитриевна.

В летний период спешили на обеденную дойку на лошадях, на одре брянчали пустые молочные бидоны – издали было слышно, что доярки едут на дойку. А приятней всего было слышать их пение. Разливались по округе их звонкие голоса, смех и веселье. Никогда деревенские жители не унывали, с азартом жили и работали. Праздники гуляли все деревней.

Было к чему стремиться. Семьи были многодетные, почти в каждой – трое и более детей. В нашей семье нас было двое – я и брат Иван, который, как и я, сейчас живёт в Лесном. Когда я была маленькой, детский сад из всей округи был только в Никольском. Поэтому приходилось сидеть дома одной. Чтобы не скучать, ходила я к соседям, собирала пустые спичечные коробки и фантики от конфет, коллекционировала их.

Мама уезжала на целый день на так называемый «кондрошук», где обрабатывали лён. Пыльная и тяжёлая была эта работа. Зимой, подъезжая к дому на лошади, мама быстренько соскакивала с дровней и ложилась спиной на снег, чтобы очиститься от пыли. Когда она вставала, на снегу от неё оставался чёрный след, так много было пыли на одежде. В нашей деревне была ещё и ферма, где откармливали маленьких телят. Ухаживали за телятами две сестры Дуся и Нюра Смирновы. Работали на этой ферме одно время моя мама и моя родная тётушка Анастасия Семёновна Шадринова, папина родная сестра.

Сёстры Смирновы жили с нами по соседству. Жили бедно, замужем они никогда не были. Как говорила мама, после войны мужчин было мало, а те, что возвратились с войны, в жёны брали образованных – учителей, врачей, да богатых. А богатыми считались те, кто имел своё подсобное хозяйство: корову, овец, кур.

Не было тогда ни телевизоров, ни холодильников, всё это появилось позднее, в семидесятые годы. А в шестидесятые и светом-то пользовались только до одиннадцати вечера. Была в деревне Ионово своя подстанция, работала на солярке. Трудился там дядя Миша Жабрев. Мигнёт три раза и отключает электричество, пора спать. А если ломался движок, то зажигали керосиновую лампу. Так и жили.

В 1969 году протянули ЛЭП, вот было радости! Народ стал к тому времени жить лучше, за работу платили пусть и небольшие, но «живые» деньги, а не трудовни. Помню, спрашивала у мамы, когда была ещё совсем маленькой девчушкой, что такое эти трудовни. А мама говорила: вот отработаешь день, а тебе денег за это не дают, а ставят в рабочем табеле крестик. В конце же года на эти трудовни давали зерно. Возили то зерно на мельницу, где мололи муку, а потом сами пекли хлеб. По праздникам пекли пироги из пшеничной муки. Это рассказы-

вала мама о своей далёкой молодости. Работала она одно время, совсем ещё юной девчушкой, на лесозаготовках, сплавливали лес по Мологе. Трудное военное и послевоенное было время.

Последние годы перед уходом на пенсию мама работала почтальоном, а папа так и трудился бригадиром. Хорошим хозяином своей земли был он. Все поля были ухоженные и обрабатывались, засеивались зерновыми культурами. Когда начинались весенние работы, гул тракторов стоял на полях. Вовремя нужно было успеть прокультивировать землю, заборонить, посеять. Некоторые поля засеивали клевером, льном. Сажали и картофель. Люди ответственно подходили к своей работе. Каждый механизатор отвечал за свой участок работы. Иван Беляков, Василий Ключков, Геннадий Козлов были лучшими механизаторами в совхозе «Никольский».

Те же, кто не работал на ферме или механизатором, ходили по наряду на полеводческие работы. В июле начиналась сенокосная пора. Косили вручную, косами. Рано нужно было вставать на покос, ещё до восхода солнца, пока не сошла роса.

В нашей деревне жила семья Мочаловых, дядя Витя и тётя Оля. Дядя Витя был важный в деревне человек. Готовил он косы, правильно насаживал, отбивал, готовил деревянные грабли. Чуть поодаль от них жила Цветкова Ольга Фёдоровна, потом её дочка увезла жить в Архангельск, моя тётушка Шадринова Анастасия Семёновна и пчеловод Смирнов Михаил с женой Лукерьей. Была у них большая семья, но все давно разъехались – кто на Север, кто на Урал. Приезжали летом дети в родительское гнездо, оживала деревня. Жила ещё по соседству бабушка Пелагея. Под окном рос у неё куст сирени, закрывая окна, на которых не было занавесок, а висели вместо них старые газеты.

В Ионове были клуб и начальная школа, но мне в ней не довелось учиться, так как здание было старое, в аварийном состоянии. Но первый класс я всё-таки окончила в деревне Ионове. Учились в частном доме. На память о том годе моей жизни сохранился у меня табель успеваемости за первый класс. Но больше всего запомнилась классная доска. Она была покрашена чёрной краской, а когда доску мыли, краска отставала и проступал лик святого – это была икона. Тогда мы этого не понимали, религия была под запретом, и разговоры о Боге никогда не велись. Первым моим учителем была Образцова Екатерина Егоровна, строгая, но справедливая.

В летние каникулы помогали мы родителям: гребли, сушили сено. Тогда в каждой семье было своё подсобное хозяйство. Работы на всех хватало. Родители приучили нас с ранних лет к крестьянскому труду. Плохо было то, что не было в нашей стороне речки, но нашу деревушку любили горожан, восхищались тишиной и красотой природы. Особо мне нравилось любоваться льном, когда цветущее поле колышет лёгкий ветерок. Аж дух захватывало от этой красоты! Смотришь, и уходить не хочется! Солнце встаёт, и открывает лён свои коробочки с голубыми цветочками, гонит голубую волну ветерок. А к вечеру закрываются коробочки, не созрело ещё льняное семя. Весной в деревне буйствовала сирень, а клейкие листочки тополя открывались и набирали силу. Цвели и благоухали на всю округу пьянящими ароматами сады, привлекая шмелей и пчёл. Красоту эту не передать словами, это нужно видеть. Долгое время жили мои родители в деревне одни – кто умер, кто уехал. Уже не было жителей в Ионове и Хмелеве. Сердце замирает от того, что всё осталось в прошлом. Нет деревень, но есть Борисово поле, названное так в честь моего отца. Помнят люди о нём, о человеке, любившем свою землю и свой народ.

Но жива ещё сирень, и буйно цветёт каждую весну, как будто приглашает, зовёт в гости полюбоваться на её красоту. Чтоб кто-то мог сорвать большой букет цветов и вдохнуть глоток пьянящего воздуха, посмотреть на закаты алые, встретить тихие зори летние, услышать в лесу голос кукушки. Травы здесь высокие, по пояс, росой обильно обласканы, дождями умыты весенними. Может, эта красота и заложила когда-то во мне тягу к поэтическому слову. Навсегда останется в памяти моей маленькая родина – деревня Вышитино.

## Борисово поле

Поле-полюшко, хлебное полюшко,  
Золотые колосья ржи,  
Воспеваю крестьянскую долюшку,  
Где трудился отец мой и жил.  
Он был горд, как земля расцветала,  
Бригадиром работал тогда.  
А теперь что же с нею стало?  
Все труды ушли в никуда.  
Только солнце земле улыбается,  
Да сирень цветёт по весне,  
По утрам зорька в травах купается,  
Ночью стынут поля при луне.  
И уже не пылится дорога,  
Молодое полесье вокруг.  
Оттого и на сердце тревога,  
Наполняет мне душу грусть.  
Мне б хотелось туда возвратиться,  
Посидеть на родном крыльце,  
Ключевой водицы напиться,  
Соловья послушать концерт.  
Только мне не найти дорогу,  
Да и дома давно уж нет,  
Вызывает в сердце тревогу,  
Затерялся деревни след.

## **Знаю, папа, с небес ты видишь**

Как непросто деревне жить,  
И с печалью на землю смотришь...  
Разве можно её не любить?  
Поле-полюшко, русское полюшко,  
Отчего же так плачет земля?  
Ведь обласкана всегда солнышком.  
О прошедшем грустят поля.

*ноябрь 2017*

## Не терзайте землицы душу!



## «Не терзайте землицы душу!..»

Не терзайте землицы душу!  
Она тоже живая, послушай,  
Как вода поднимается в реках  
И наказывает человека.  
Ураган, наводнение, цунами —  
Это всё происходит с нами...  
Ведь природу нельзя изменить,  
Её нужно всего лишь любить.  
Вот «Иуда» прошёл по земле,  
Отголоски слышны везде.  
Сколько он причинил всем бед,  
Кто виновен в этом? Где ответ?  
Ветер крыши срывал с домов,  
Нет электричества – обрыв проводов.  
И принимали быстро решения  
Делали всё без промедленья.  
И не бывает чужой беды!  
Не понаслышке знаем все мы,  
Как помогали мы всей страной  
И отправляли SMS адресной.  
Нужно природу родную беречь,  
Вырубку леса строго пресечь!  
Ведь ничего не проходит бесследно,  
Что для земли нашей пагубно, вредно.  
Когда исчезают лесные массивы,  
Мы смотрим на это сквозь пальцы пассивно,  
Всё то, что природа даёт век из века,  
Рушит мгновенно рука человека.  
Но не пора ли задуматься нам:  
«А что же, потомки, оставим мы вам?»  
Давайте природу родную беречь,  
Чтоб не дала Земля трещину, течь,  
Чтоб не сердились на нас великаны —  
Не извергали пепел вулканы.  
Чтобы Земля могла долго жить,  
Нам верой и правдой ей надо служить.

*ноябрь 2013 года*

## «Над лесом зоренька встаёт...»

Над лесом зоренька встаёт,  
Деревня просыпается,  
Кукушка счёт годам ведёт,  
Лес пеньем наполняется.  
Вот где-то скрипнула калитка,  
Идёт старушка по воду,  
И для неё такая пытка,  
Нет сил, взмолилась Господу.  
И сиротливо оглянётся,  
И хочет крикнуть и позвать.  
Никто на крик не отзовется,  
И слёз не может уж сдержать.  
И всё о жизни одинокой  
Который вспоминает раз,  
И о любви, такой далёкой,  
Жестокой иногда подчас.  
Муж был намного её старше,  
Серьёзный вид, в плечах сажень.  
Она, дюймовочка, всех краше,  
А он суровый, что кремень.  
А бабье счастье – дом да дети,  
Да непосильный тяжкий труд.  
И помнит времена все эти,  
Воспоминанья больно жгут.  
Вот так и жили – труд да годы  
С лица смывали красоту.  
Давно прошли уж все невзгоды,  
Оставив в сердце доброту.  
Сейчас одна живёт, нет мужа,  
Давно покинул мир людской,  
А без него на сердце стужа,  
Душа охвачена тоской.  
Присядет скромно в уголочке,  
С лица смахнёт слезу рукой,  
Давно уж выросли их дочки  
И в край уехали чужой.  
Письмо напишет старшей дочке,  
Что в гости ждёт к себе домой,  
И что соскучилась по внучке,  
И не найдёт в душе покой.  
Дочурки милые, родные  
Давно зовут в тот край чужой.  
Эх, глупые они, смешные,  
Здесь жизнь её, здесь край родной.  
И пусть тревожат память годы,

Вспоминанья сердце жгут,  
А все нелепые раздоры  
С любовью в памяти живут.

*июнь 2017 года*

## «В раздумьях дед Матвей сидел...»

В раздумьях дед Матвей сидел,  
Курил табак из старой трубки,  
Он в жизни многое успел  
И не забыл детей поступки.  
Глазами всё ещё хотел  
И дом подправить, утеплить,  
Жалел о том, что не сумел  
Своё гнездо надёжно свить.  
Подслеповатые глаза,  
Болят натруженные руки,  
И меркнет свет и пустота,  
Воспоминаний жгучих муки.  
А думы только о былом:  
Как жил, работал с огоньком,  
И как платили трудонём,  
Растил детишек, строил дом.  
И чтоб никто не знал нужды,  
Не покладал он своих рук,  
Чтоб воплотить детей мечты,  
Нелёгкий выбрал жизни путь.  
А дети взрослые теперь,  
Но приезжают к нему редко,  
И за граница им милей,  
Забыли Родину и предков.  
А вот часовенка стоит,  
Его построена руками,  
Надежды свет она хранит,  
Намоленная стариками.  
И только тропочка одна  
Ведёт к часовне старика,  
За упокой горит свеча,  
Давно уж умерла жена.  
Читаешь боль в его глазах,  
На разговоры не ведётся,  
И лишь предательски слеза  
Неспешно по щеке прольётся.  
А из дедов-то он один,  
Другие на погосте,  
И коротает свои дни  
Которую уж осень.  
А если спросят, где они,  
Его родные дети,  
Он лишь молчание хранит,  
За них он не в ответе.  
Сынок один – где вечны льды,

В Антарктике работа,  
Сбылись все давние мечты,  
Он весь в трудах, заботах.  
Другой – художник, полотно  
Он оживляет кистью,  
Талант, от Бога знать дано,  
Несёт он божью миссию.  
Где третий – он не знает сам,  
Умчался за границу,  
Живёт уж много лет он там,  
Куда не дозвониться.  
Вот так и коротает век  
Свой в одиночестве старик,  
На склоне жизни человек,  
Душа его – тайник.

*январь 2017 года*

## «Грусть в этом доме поселилась...»

Грусть в этом доме поселилась,  
Застыло время на часах,  
И эхо где-то притаилось,  
И страх и мрак во всех углах.  
Бунтует ветер здесь мятежный,  
Скороговоркой говорит.  
Здесь нет ни жизни, ни надежды,  
Мечту оставил реалист.  
Был этот дом построен кем-то,  
Но время рушит в пух и прах,  
И говорит оно об этом.  
Вот так приходит всему крах.

*ноябрь 2017 года*

## «Опустел, постарел наш дом...»

Опустел, постарел наш дом,  
Поселилась в нём тишина.  
Я одна сижу за столом,  
Полны слёз у меня глаза.  
Я боюсь, опоздаешь, сынок,  
Годы мчатся, короче мой путь.  
И всё ближе ухода срок,  
Смерть никак нельзя обмануть.  
На тебя я хочу взглянуть  
И обнять, коснуться рукой,  
И к плечу твоему прильнуть,  
Мой единственный, мой родной!  
Я не буду серчать на тебя,  
Боль разлуки уйму слезами,  
Ты вот только ко мне приезжай,  
Вместе будем с тобой вечерами.  
Вспоминать о былых временах,  
О твоём шаловливом детстве,  
О прожитых счастливых годах  
И о тех, кто был с нами вместе.  
Ведь когда-то большая семья  
Собиралась за дружным столом,  
А сейчас вокруг – пустота,  
Сиротливо смотрит наш дом.  
Вот и пруд... Жили там караси,  
Прячась в ил, опускались на дно.  
Вы руками ловили их  
И купались в пруду заодно.  
Да и пруд тот был невелик,  
«Лягушатником» звали его.  
Разносился ваш детский крик,  
А сейчас он зарос уж давно.  
Затерялось время в воде,  
И любви не найти островок,  
Одиноко всё так же мне,  
Только слышу листвы говорок.  
Говорю, говорю я с тобой,  
Неустанно молюсь за тебя,  
Мой единственный, мой родной,  
Я желаю тебе добра.  
Как ваш класс разбросала судьба...  
Кто-то в гору пошёл, век учился.  
Жизнь, по-прежнему, это борьба,  
Кто бессмысленно прожил, кто спился...  
И не раз испытает судьба,

Проявляй же характер, сноровку,  
И держи себя крепко в руках,  
Не пускайся на хитрость, уловку.  
Чтоб тобою гордилась семья,  
Неуклонно шагай к своей цели,  
С уваженьем скажут друзья:  
«Настоящему парню – верим!»  
А тебя я по-прежнему жду...  
Календарь, отрываю листы.  
Пожелтели от времени, жгу  
И надеюсь – приедешь ты!

*июль 2016 года*

## «Фотографии. Старый альбом...»

Фотографии. Старый альбом.  
Каждый кадр мне до боли знаком.  
Всё из детства. Бревенчатый дом.  
Мама, папа, вот я босиком.  
Загляну в босоное лето.  
Вновь меня закружила тоска.  
Промелькнуло счастливое детство  
И закрылась дверь навсегда.  
Но осталось прошлое... Память  
Не даёт мне покоя, забыть.  
Фотография сердце ранит,  
И слезами мне боль не смыть.  
Вот моя деревенька-колхозница.  
Руки добрые помнит земля,  
Как с утра до заката работала,  
Не одна здесь трудилась семья.  
Поля вспаханы, поля вскормлены.  
Колосились ржаные хлеба,  
И дождями весенними вспоены  
Сенокосные наши луга.  
А сейчас не кружат даже вороны.  
Нет пахоты – нет и жнивья,  
И берёзы растут во все стороны,  
Заросла деревушка моя.  
Нет, не знали отцы, что так будет,  
Что напрасными были труды.  
Вместо поля – полесье повсюду,  
Пожинаем реформы плоды.  
Не померкнет ни слава, ни доблесть.  
Невозможно всё это забыть.  
Пусть проснётся у каждого совесть,  
По-другому не может быть.

*январь 2017 года*

## Старый дом

Дождь за окном который день идёт.  
И старый дом гостей уже не ждёт.  
Здесь старость поселилась так давно  
И жить осталась... Так уж суждено.  
Лишь ветер нервно глушит тишину  
И эхом наполняет пустоту.  
Здесь призраки и чьи-то бродят души,  
Наступят сумерки и тишину нарушат.  
Скрип половиц стареющего дома...  
Не видно лиц, шаги слышны лишь снова,  
Да с фотографии – хозяин дома.  
Сурово смотрит он, картина всем знакома.  
Прислушайся, шаги легки в ночи,  
Но только тихо, тихо, не кричи!  
Он вызывает страх присутствием своим,  
И тени на стенах, и бродит он один.  
И запах времени остался в уголках,  
И тяжесть бремени в остывших угольках,  
И нафталином все пропахли сундуки,  
И гуталином – чьи-то башмаки.  
Здесь всё как прежде, рухлядь – не обман.  
И моль, в одежде съеденный карман,  
И времечко оставило печать,  
И дом стареет – некому латать.  
Вот только призрак не стареет никогда,  
Душа его всё так же молода.  
Но дом грустит по прошлым временам  
И с эхом говорит, зовёт по именам.

*2016 год*

## «Нет моей деревни, нет уже в помине...»

Нет моей деревни, нет уже в помине,  
Нет седых старушек, нет и стариков.  
Я была так долго, долго на чужбине.  
Много промелькнуло уж с тех пор годков.  
Молодёжь стремилась побыстрее в город,  
Труд крестьянский был тяжёл, невоготу.  
Отчего так зябко мне сегодня? Холод  
Душу наизнанку вывернул мне всю.  
Тяжкое, лихое было тогда время.  
Трудностей хватало – их хоть пруд пруди.  
На плечах крестьянских вынесли то бремя,  
И ушли все тяжбы, годы позади.  
Отдохнуть хотела у крыльца родного.  
Тропочка бурьяном, нет дома, заросла.  
Что же в наших душах мало так святого,  
Почему я раньше приехать не смогла?  
Может, я напрасно всё себя корила?  
Только невозможно жизнь остановить,  
И влечёт в деревню неведомая сила,  
Нас соединяет родственная нить.  
Время жизнь торопит, но оно не лечит,  
Только всё сильнее душу мне свербит,  
Грусть в моей душе метелью сизой кружит,  
Уколоть больнее в сердце норовит.  
Опустел, постарел наш дом,  
Поселилась в нём тишина.  
Я одна сижу за столом,  
Полны слёз у меня глаза.  
Я боюсь, опоздаешь, сынок,  
Годы мчатся, короче мой путь.  
И всё ближе ухода срок,  
Смерть никак нельзя обмануть.  
На тебя я хочу взглянуть  
И обнять, коснуться рукой,  
И к плечу твоему прильнуть,  
Мой единственный, мой родной!  
Я не буду серчать на тебя,  
Боль разлуки уйму слезами,  
Ты вот только ко мне приезжай,  
Вместе будем с тобой вечерами.  
Вспоминать о былых временах,  
О твоём шаловливом детстве,  
О прожитых счастливых годах  
И о тех, кто был с нами вместе.  
Ведь когда-то большая семья

Собиралась за дружным столом,  
А сейчас вокруг – пустота,  
Сиротливо смотрит наш дом.  
Вот и пруд... Жили там караси,  
Прячась в ил, опускались на дно.  
Вы руками ловили их  
И купались в пруду заодно.  
Да и пруд тот был невелик,  
«Лягушатником» звали его.  
Разносился ваш детский крик,  
А сейчас он зарос уж давно.  
Затерялось время в воде,  
И любви не найти островок,  
Одиноко всё так же мне,  
Только слышу листвы говорок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.